

Герман Алексей
(сидит)

Алексей GERMAN:

ЕСЛИ БУДЕМ ЗАИГРЫВАТЬ — ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОИГРАЕМСЯ

27.12.04

Циркач отхлебывает из пластиковой бутылки бесцветную жидкость и из-за края кадра дует на горящий факел. Факел взрывается, как... (почему-то не могу найти сравнения). «Спирт?» — спрашиваю с завистью. На дамбе, где последние дни доживает декорация таверны «Серая радость», сегодня всего лишь минус десять. Но снимается осень, и помрежи посыпают снег желтым балтийским песочком. Циркач-пиротехник смеется: гаишник на той неделе после съемок остановил, принахался и только рот раскрыл: «Что пил?» — «Керосин». — «...Зачем?» — «Да артист я». — «Что, настолько?»

Ярмольник говорит, что на второй год съемок понял секрет Германа. Все лето снимают лето, а зиму зимой. Это же ровно наоборот. Ярмольнику хорошо. Он весь день репетирует без грима — в шапке и куртке. И только в кадр выходит Руматой — в сверкающих под прожекторами легких латах. Хуже барону Пампе, то есть Юрию Цурило: вряд ли накладной живот так уж его греет.

К ночи Герман увидит, что Юра уже падает (весь день вертолетным винтом крутил двуручный меч перед замороженными мордами серых), и после второго дубля съемку прервет. И только тогда сообщу, что именно так явственно напоминал клубящийся огнем керосиновый огнемет, — 11 сентября

Ярмольник, увы, без грима

На ленинградской дамбе в средневековых декорациях снимается фильм о будущем. С режиссером беседует наш специальный корреспондент Андрей ЧЕРНОВ

я встал и ушел. Потому что там Иван Денисович идет в мелпункт, где врач в белоснежном халате раздаст заключенным градусники, и они ставят их себе в рот.

— Мы с тобой больше года не общались. А когда общались, то спорили, что называется, до хрипоты. Ты, выходя, в своем доверии к нынешней власти сломался на гимне.

— Знаешь, я и сейчас считаю, что если кто и ролился в этой стране президентом, то это Путин. Но, приближаясь к красным лозунгам, он однажды может услышать от России: «Ладно, ты свое сделал, а теперь пусть Зюганов». По-моему, нас спасает, что Зюганов — классический гоголевский тип. Он цитирует философа Ильина, даже не зная, что тот

антикоммунист. Я за того Путина, которым он сам хочет быть в наших глазах. И фильм, который снимаю, как-то со всей нынешней ситуацией связан.

— Расскажи про фильм.

— Наш герой — землянин на другой планете. В страшной, жестокой средневековой стране. Он всемогущ, как Бог. Но все его могущество мало кому может помочь и мало кого спасти. Он в силах залить всю планету кровью, даже уничтожить ее. Но души людей не в его власти. Он чувствует что-то зловещее в той унылой серости, в которой живет. И это что-то приходит. А он не имеет права убивать. Он берет мечи... Меня когда-то упрекали, что мы никогда не

снимаем кино о современности. Так сейчас это для нас — современное кино. Истинная демократия — неслыханно трудное состояние.

— Почему все-таки Румата — Ярмольник?

— На пробах он лучше всех сказал: «Сердце мое полно жалости, но я не могу этого сделать». И глаза у него были не пустые, что для современного российского артиста — редкость. И, кроме того, он немного похож на того, из Назарета. Впрочем, я человек неверующий... И не важно, что у Ярмольника репутация шоумена — это довольно безвкусная программа. Я вижу, что сейчас ему стало интересно работать.

— А как после главного героя в «Хрустале» чувствует

себя во второстепенной роли барона Пампы твой brave генерал?

— Это у него-то роль маленькая? Да у него замечательная роль... Но до сих пор не понимаю, как можно было не дать ему «Нику» за «Хрусталева».

— Будем старые обиды ворошить?

— Будем. Вот вы в «Новой газете» написали хвалебную рецензию на фильм «Барак». А фильм плохой, вторичный. И вранье. Там приезжает в 54-м году генерал МГБ в барак и с заключенными водку пьет. А режиссер — способный. Так вы его просто дезориентируете!

— Ты тоже не ангел, но, извини, я не отношения пришел выяснять. Сценарий по «Трудно

быть богом», который ты писал с Борисом Стругацким, был запрещен после введения наших танков в Чехословакию. Много позже был немецкий фильм, эдакая научная фантастика в духе жанра. А что потом?

— Потом мы сели со Светланой Кармалитой опять писать сценарий по «Трудно быть богом». Но пришел Горбачев, и показалось, что все это безумно устарело. Ну какие проблемы? Вот он — реформатор, почти бог. И завтра мы станем жить, как во Франции. И чего

Светлана Кармалита в стане «серых»

намереть, скажем, на Берию, когда можно все прямым текстом? Снимать стало неинтересно. И мы сняли «Хрусталева». Но прошло время, и мы почувствовали возвращение идеи.

— И фильм будет называться, как у Стругацких?

— Наверное, нет. Меня еще не раз обругают, что из легкой, романтической, любимой многими книжки мы делаем такое... Знаешь, тут уже две девушки-газетчицы приезжали, написали потом, что Герман снимает уро-

дов... И не удосужились узнать, что все происходит даже не на Земле. У нас старый раб пытается рассказать Румате, что сказал ему «умнейший человек, табачник с Табачной улицы». А Румате не до мнения табачника, хотя тот сказал истину: «После серых всегда приходит черные». Видимо, так и назовем: «Что сказал табачник с табачной улицы».

— Слушай, не получается ли, что фильм про то, что реформы в России невозможны? Возможны. Только медленные, трудные и через души людей.

— Если не возражаешь, вернемся к ситуации в российском кино.

— И у Михаила Швыдкого, и в Союзе кинематографистов во главе с Никитой Михалковым — понятные приоритеты: главное — бизнес. Искусство — после. Я не знаю, может, это хорошо для Америки, еще для каких-то стран. Но не для России. У Булгакова были тиражи в четыре раза больше, чем у Пушкина. Так кто такой ИГО? Или каких-то магнатов? Это деньги государственного телевидения и Госкино, это наши налоговые деньги. Поэтому кино в России сейчас нет. Мы нынче не кинематографическая держава. Старик снимать кино уже не могут. Моему поколению тоже стало трудно, но пока снимаем. А следующее — пропущенное. Они просто не успели научиться. Может быть, сейчас как-то выкарабкаются молодые. Ведь целая эпоха нужна, чтобы выплылся новый Тарковский. Говорят, что в России снимается шестидесят картин в год. Но это же надо ухитриться — на «содяке» получить такой отвратительный цвет, а мизансцены построить так по-советски...

— Тебе не кажется, что единственное, что осталось от советской власти... — От советской власти осталось все.

— Ну послушай, пожалуйста. Абсолютно с тобой согласен. Читаю: «А теперь Игрек стал магнатом». Как стал? А назначили. Когда у нас в Репино подъезжают к магазину машины за сто тысяч не рублей, и из них выходят люди с такими лицами... Эти люди накормят и обустроят страну? Эти, по которым видно, что в жизни они всего-то и совершили — одну-две удачные спекуляции. Это остров доктора Моро, где из людей выводят чудовищ.

Как ты к постмодернизму в кино относишься?

— Этих не смотрю. Для меня Сокуров — и модернист, и не модернист. Его принято ругать: мол, опять сокуровщина, а он все время из себя что-то большое вытаскивает.

— Сколько ты уже отснял?

— Две трети.

— А табачник твой погибает?

— Даже не хочу об этом думать. Да и какая разница? Главное, что его так и не выслушали, а ведь, может быть, он гений, может быть, он знал, что делать, этот табачник. Ведь серые еще либеральничают, говорят, что экономика должна быть прозрачной. А черные — это конеш.

— Не боишься, что непропорочно?

— Конечно, боюсь. Я с этого и начал. За восстановлением сталинского гимна вполне логичен приход тех, кого нынешняя власть совсем не хочет видеть своими наследниками. Если будем заигрывать — обязательно доиграемся. Потому что полуреволюций не бывает.

Таверна «Серая радость»

Софиты еще горят

● Фоторепортаж Дмитрия КОНРАДТА

КОГДА ПОГАСЛИ СОФИТЫ

Через день оказалось, что сцену, которую репетировали на морозе с утра до вечера, все же сняли. Один из двух дублей устроил и Германа, и Кармалиту. Хотя залил замерж, и Герман боялся, что без живой воды на заднем плане потасовка барона Пампы с серыми будет выглядеть так, словно снята в павильоне.

Если эта сцена попадет в фильм, то на экране она будет идти менее двух минут.

У меня есть своя версия, почему в XX веке Алексей Герман умел снимать лучшее кино (из того, что я видел). Все предельно просто, а потому готов поделиться чужим секретом: очень долго пишется сценарий,

очень медленно подбираются актеры, а в большинстве просто лица, из которых востановятся актеры, очень тщательно изготавливаются костюмы и выстраиваются декорации. Сначала все придумывается. Потом продумывается и репетируется. И только после раздается слово «Мотор!»

И когда вспыхивают прожекторы и факелы, ты забываешь про холод и ламбу и оказываешься в родном средневековье. В том, где жрут, блуют, любят и любятся, в том, где черные всегда приходят после серых.

Чудо происходит не на пленке, а на съемочной площадке. Пленка бесстрашна и лишь запечатлевает факт чуда.

● P.S. Наша газета на протяжении всего производства «Хрусталева, машину!» поддерживала Алексея Германа. И мы рады, что наиболее крупный европейский киножурнал Cahiers du Cinema на трех языках объявил, что эта картина входит в число пятидесяти лучших мировых лент за последние пятьдесят лет.

Герман учит Цурило работать мечом

— Алексей, о чем ты сейчас думаешь, когда снимаешь этот фильм?

— Ну видишь ли... Вообще у меня в последнее время худые отношения с окружающей средой. Знаешь, при Брежнев такое было, когда жена прятала от меня Пастернака, Ахматову и Мандельштама. Особенно последние стихи Мандельштама. Я не мог спастись от мысли, как же ему было страшно. И не важно, великим он был человеком или нет. Это не имеет отношения к мастерству... И еще были ударом письма Платонова Сталину. Потом это куда-то ушло... А сейчас я живу в странной растерянности. Все, что делается в Москве, вроде бы правильно... Вертикаль какую-то выстраивают, эту дикую Думу укрощают... Ну словно пришел Александр III и сказал, что реформы надо подморозить. И при нем страна полетела жить... Так почему же один вопрос летит в голову: что, и вот в этом я умру?... Так... Восстановили гимн. Ну вроде, что мне гимн? Я его не исполняю, на заседании больших начальников, где он будет звучать, не хожу. Я, правда, написал президенту письмо, что не может быть у России такого гимна. Он не ответил... Ну имеет право.

Но ведь когда-нибудь может случиться, что я должен буду встать. Встану на музыку, которую заказал кремлевский людоед. Самый обыкновенный людоед. И я должен буду стоять, в голове невольно будут возникать строчки гимна, которые я знаю с детства, — не нынешние слаженные, а слова о великих убийцах. И я буду ощущать, как на меня смотрят миллионы погубленных людей, смотрят с Колымы, Инты или, кстати, Соловков. И что мне с этим делать? Как мне с этим жить? А главное, зачем?

— Но мы же хотели стабилизации?.. — По-моему, произошла дестабилизация. Потому что общество, которое вернулось к этому гимну... Пойми, я за Путь... И премию президентскую он мне дал. И снимать дает. Но что-то так мешает... Мешает жить. Понимаешь? И не потому, что завтра придут и меня загребут. Если такое начнется, они сначала друг друга загребать будут. Но гимн — это для меня глобальный удар. А про то... Ну я всегда жил в ожидании войны. Только вслед за Евгением Шварцем думаю, что она будет другая.

— Прости, не понимаю.

— А, ну да, этого, наверное, никто не знает. В последние годы своей жизни Шварц сходил с ума от постоянного ощущения «желтой опасности». Он был уверен, что вот-вот начнется война с Китаем. А началась другая война — религиозная. И она будет идти, идти и идти... Вот и чеченцы с нашей помощью сформулировали смысл жизни... — Национальную идею?

— Можно сказать и так. Помнишь, какой смысл жизни сформулировали буры в своей Южной Африке? Ну что мы в России про них знали? «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горюшь в огне». Однако на каждом углу шарманки надрывались. И что получилось из «моего Трансвааля»? Апартеид ЮАР.

— Можно взять песенку и поближе: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренде...»

— Сейчас смысл жизни будет появляться у многих и многих народов. Мы живем при начале новой мировой войны.

— Позволь, не буду сегодня с тобой спорить.

— Я не для спора. Просто это ощущение, в котором сейчас живу и снимаю. Помнишь: «Мне на шею...», нет, на плечи... «Мне на плечи бросятся век-волкодав...» Может быть, я